

Анна А. Крих

Омск, Россия

ДОБРОВОЛЬНАЯ АГРАРНАЯ МИГРАЦИЯ ПОЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНО- СТИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЛЯКОВ (КОНЕЦ XIX–XX ВЕКОВ)

После восстаний в Польше 1830–1831 гг. и 1863 г. в российском обществе активно обсуждалась проблема этнической идентификации населения западных губерний империи, которая изначально имела политизированный характер. Велись споры об этнической принадлежности белорусскоязычных крестьян-католиков, которые до 1860-х гг. в официальных статистических изданиях записывались поляками, а затем их стали считать белорусами. В первые десятилетия существования советской власти, в рамках политики коренизации, наблюдается обратное явление: стремление идентифицировать польское население, прибывшее в Сибирь с вошедших в состав БССР территорий, в качестве белорусов. Подобные попытки белорусизации поляков вызывают ответный процесс – самообрусение польского населения, – теперь уже поляки записываются в официальных документах русскими.

Процесс этнической идентификации (распознавания и внешнего приписывания этнических статусов) польского населения Сибири наиболее ярко выражен в учете и классификации населения властями. Идентификация далеко не всегда совпадала с этнической идентичностью (самосознанием) распознаваемых групп. Динамика этнической идентификации польского населения становится наглядной при сравнении данных двух общегосударственных переписей населения – 1897 г. и 1926 г. Причем система учета населения местными государственными структурами не всегда соответствовала этнополитическим задачам центральной власти. В результате этого, можно наблюдать расхождения этнической идентификации населения в местных (окружных) статистических материалах и официальных опубликованных статистических таблицах.

Поэтому важным методологическим моментом при рассмотрении идентификационных процессов является сопоставление результатов общегосударственных переписей населения с данными текущего учета населения на местах

– похозяйственными книгами и сводными таблицами, составленными на их основе в окружных центрах.

В результате применения данной методики удалось установить, что жители ряда деревень Тарского уезда Тобольской губернии, идентифицированные в переписи населения 1897 г. как поляки, в 1926 г. были зарегистрированы в качестве белорусов, литовцев и даже барабинцев. Основой для причисления населения, называющего себя поляками, к белорусам и литовцам послужило вхождение территорий, из которых выехали в Сибирь поляки, после распада Российской империи в состав независимых национальных государств.

Первые польские деревни, возникшие в Западной Сибири в последней трети XIX в., были основаны преимущественно бывшими ссыльными участниками восстания 1863 г. Истории основания этих населенных пунктов демонстрируют стремление польского населения к обособлению и умение самоорганизовываться для достижения своих целей. Идентификация ссыльных поляков, переведенных в разряд «добровольных переселенцев» после амнистии 1883 г., будет рассмотрена на примере двух польских поселений Тобольской губернии: д. Деспотзиновки Баженовской волости Тюкалинского округа и пос. Поляки Аевской волости Тарского округа.

В апреле 1889 г. 36 семей «польских переселенцев» (73 человек мужского пола), проживавших в различных деревнях Тюкалинского округа Тобольской губернии, обратились с прошением в министерство государственных имуществ о разрешении им обосноваться на переселенческом участке при озере Тобол-Кушлы в Баженовской волости Тюкалинского округа¹. Прошение было удовлетворено властями в сентябре 1890 г. и, согласно правилам о переселении крестьян в Сибирь, полякам были отведены земельные участки исходя из нормы 15 десятин на душу мужского пола. В результате этого образовался поселок Новое поле, куда в 1892 г. попросились на подселение еще 22 польские семьи (47 человек мужского пола)². В 1893 г. поселок Новое поле стал официально называться Деспотзиновским. Население поселка составило отдельное сельское общество; оно в дальнейшем состояло в напряженных отношениях с соседним крестьянским обществом русских старожилов деревни Шипициной, которых поляки обвинили в порубке леса на землях деспотзиновцев³.

В конце XIX в. деревня Деспотзиновка состояла из 27 дворов, в которых проживало 144 человека обоого пола. По подсчетам С. К. Патканова, поляки составляли 59% населения деревни, остальные жители были русскими⁴. Однако, по первичным материалам переписи 1897 г., содержащим информацию

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 91, оп. 1, д. 150, л. 34–35 об.

² Там же, л. 35.

³ Там же, л. 61–62.

⁴ С. К. Патканов, *Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.)*, т. 2, С-Петербург 1911, с. 96–97.

о каждом жителе деревни, из 144 человек обоего пола русскими являлись только 26 человек, т.е. 18% населения деревни Деспотзиновки⁵.

В 1897 г. 50% поляков деревни Деспотзиновки родились уже в Сибири, остальные – были уроженцами различных губерний Западного края Российской империи, преимущественно Гродненской и Ковенской губерний, из которых прибыло соответственно 14 и 35 человек обоего пола⁶. Вместе с членами своих семей, в том числе родившихся уже в Сибири, переселенцы из этих губерний составляли 72% жителей этой деревни. Остальную часть населения представляли выходцы из Варшавской, Виленской, Люблинской, Минской, Плоцкой и Радомской губерний.

По материалам 1897 г., все без исключения переселенцы Западного края и члены их семей являлись католиками и у всех был указан польский в качестве родного языка. Современные потомки основателей деревни Деспотзиновки считают, что не все жители деревни являлись поляками. По мнению информантов, представители фамилий Гасевич, Зданович, Кардонис, Петранис и Турганис были литовцами. Относительно семьи Гасевич были получены противоречивые сведения: сами представители этой фамилии, а также их родственники из других семейств, считают Гасевичей то поляками, то литовцами. Представителей фамилий Кардонис, Петранис и Турганис, прибывших в Сибирь из Велконерского уезда Виленской губернии, можно встретить среди жителей деревни Деспотзиновки в материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г.⁷ Семьи Гасевичей и Здановичей переселились в деревню Деспотзиновку позднее, как и несколько новых польских семей – Окулевичи, Соколовские и Талевичи.

Видимо к середине 1920-х гг. незначительный численный перевес был в сторону литовской части населения Деспотзиновки, т.к. в *Списке населенных мест Сибирского края* 1928 г. литовская национальность указана в качестве преобладающей среди жителей этой деревни⁸. Однако из рассказов информантов следует, что дети от смешанных польско-литовских браков, рожденные до 1940-х гг., считали себя либо поляками, либо русскими.

Уже в конце XIX в. поляки заключали браки с русскими сибирячками, это отражено в материалах переписи 1897 г.: сельский староста деревни Деспотзиновки поляк Александр Антонович Питкевич (единственный из жителей поселка уроженец Минской губернии) был женат на сибирячке Прасковье Ивановне. К 1897 г. в семье Питкевичей было шестеро детей, записанных, как и полагалось по российским законам, православными, родным языком у детей

---

⁵ Государственное учреждение Тюменской области, Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГАТ), ф. 417, оп. 2, д. 2820, л. 1–25.

⁶ Посчитано по: там же, ф. 417, оп. 2, д. 2820.

⁷ Там же, л. 8, 15 об., 25.

⁸ *Список населенных мест Сибирского края*, т. 1, Новосибирск 1928, с. 194.

был указан русский⁹. Помимо А. А. Питкевича, еще двое поляков были женаты на русских сибирячках. Таким образом, в конце XIX в. 9% потомков поляков, рожденных в Сибири, официально считались русскими. В дальнейшем, поляки, рожденные уже в Деспотзиновке, брали жен из соседних деревень – «чалдонской» деревни Больше-Шипицино и «хохляцких» деревнях: Алексеевке, Горносталёвке, Новотроицке.

Увеличение количества польско-русских браков произошло в 1950-х гг. В этом отношении показателен следующий пример: из девяти детей Петра Станиславовича Талевича, рожденных в 1920–30-х гг., только двое нашли свою вторую половинку среди десподзиновских поляков. Потомки поляков, родившиеся во второй половине XX в., предпочитают называться русскими. Причины этого «этнического перелома» следует искать не только в распространении смешанных браков в послевоенное время, но также в неизбежном процессе унификации традиционной культуры, невозможности долгое время удовлетворять религиозные потребности из-за отсутствия поблизости католического храма, утрате знания польского языка.

По устным историческим преданиям, собранным А. Ф. Палашенковым в 1952 г., пос. Поляки Аевской волости Тарского округа Тобольской губернии был основан повстанцем 1863 г. Григорием Козьмой и назывался так по национальности его жителей¹⁰. Современные потомки основателя деревни припоминают о «революции», случившейся в Польше, в результате которой их предки бежали в Сибирь¹¹. На причастность к польскому восстанию указывает отметка в списке домохозяев 1914 г. (!) о принадлежности семей Козьма к ссыльнопоселенцам и лицам, причисленным к обществу без приемных приговоров¹². Потомки Григория Козьмы считали своего предка дворянином, однако архивными документами это не подтверждается. В Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. все представители этого семейства были названы государственными крестьянами¹³.

Основатели поселка Поляки – семья Козьма, – прибыли из Гродненского уезда Гродненской губернии, остальные жители – Семенюки, Пригодские, Бажуки и Лукашевичи, – переселись из Бельского уезда этой же губернии¹⁴. Перепись 1897 г. учла в поселке Поляки 14 человек обоего пола католического вероисповедания, 26 человек обоего пола православных. *Справочная книга Омской епархии* зафиксировала «бывших униатов» из Царства Польского

⁹ ГУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 2820, л. 23 об.

¹⁰ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО), ф. 2200, оп. 1, д. 10, л. 45.

¹¹ Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского), ф. I, п. 163–7, к. 6.

¹² ГИАОО, ф. 183, оп. 5, д. 9, л. 75–76 об.

¹³ ГУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 1961, л. 2 об.–4 об.

¹⁴ Там же, л. 2 об.–8 об.

в приходе с. Чередовского, к которому относился пос. Поляки¹⁵. Упоминание униатов в церковном источнике и их отсутствие в материалах переписи можно объяснить тем, что официально униатская церковь была уже упразднена и всех униатов записывали православными. Все католики по материалам 1897 г. принадлежали к двум семьям – Лукашевичей и Козьма. Среди представителей семейства Козьма были и православные: католик Клементий Григорьев Козьма (1861 г.р.) был женат на местной уроженке православной Оксинье Васильевне (1868 г.р.), поэтому, согласно российскому законодательству, их дети официально значились православными¹⁶ но, вероятнее всего, считались поляками.

Информант из семьи Козьма считает себя по национальности полячкой, хотя ее отец – поляк, а мать – белоруска, а то, что в паспорте она записана русской, считает неправильным и объясняет тем, что «теперь всех пишут русскими»¹⁷. В этом примере прослеживаются особенности этнической идентификации поляков в советское время, обостренно воспринимаемые представителями группы, стремившейся к сохранению своей этнической идентичности. Обратный характер носят высказывания информанта из семьи Приготских, считающего себя по национальности русским, исходя из принципа «предки так писались и я пишу»¹⁸. Однако информант заметил, что «старые люди еще писались поляками, а братья у меня с 1921 и 1922 г. уже русскими писались»¹⁸. При этом следует учитывать, что все представители семейства Пригодских по переписи 1897 г. являлись православными, а их родным языком был русский¹⁹. Упоминание информантом в своем рассказе того, что «поляки в деревне были православные», может свидетельствовать о принадлежности этой семьи к униатской церкви, чьи последователи считались поляками.

С момента образования поселка Поляки в 1885 г. и до 1926 г. его население росло медленно: в 1897 г. – 24 человек мужского пола и 16 человек женского пола, в 1914 г. – 33 человек мужского пола, в 1926 г. – 41 человек мужского пола и 38 человек женского пола; в 1937 г. – 87 человек мужского пола и 90 человек женского пола. С 1897 по 1914 г. в поселке Поляки подселилось всего две семьи – Колпаковы и Федорчуки. Колпаковы были по национальности русскими, вятскими, в 1914 г. в их семье было всего 4 человек мужского пола²⁰. Федорчуки являлись крестьянами из Гродненской губернии. Таким образом, в 1914 г. основную часть населения деревни составляли поляки – четыре семьи Козьмы (16 человек мужского пола), одна семья Приготских (4 человек мужского пола) и одна семья Лукашевичей (4 человек мужского пола). Таким образом, с 1914 г. по 1926 г. мужская часть населения увеличилась всего на 8 человек, и, казалось

¹⁵ И. Голошубин, *Справочная книга Омской епархии*, Омск 1914, с. 807.

¹⁶ ГУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 1961, л. 2 об.

¹⁷ МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, ф. I, п. 163–7, к. 8.

¹⁸ Там же, п. 2002–5, к. 85.

¹⁹ ГУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 1961, л. 6 об.

²⁰ ГИАОО, ф. 183, оп. 5, д. 9, л. 74 об.

бы, мы вправе ожидать, что к моменту переписи 1926 г. должно было сохраниться преобладание поляков. Но материалы переписи фиксируют белорусов в качестве «численно преобладающей национальности»²¹, а спустя еще 11 лет, в «Похозяйственной книге д. Поляки за 1937 г.», все население без исключений значилось русским²².

Еще одним примером добровольного переселения поляков в Сибирь после отбывания ссылки за участие в январских событиях 1863 г. является история образования пос. Урозайского дворянами из Минской губернии. Основателями поселка стали семьи чиншевой шляхты из различных местечек Борисовского и Игуменского уездов Минской губернии: Антона Фомина Бабицкого из д. Клинники Игуменского уезда; Людвиг Иосифов Скуратовича и семьи его брата Антона, Виктора Адамова Скуратовича, Петра Иванова Муравского из д. Володуть Игуменского уезда; Михаила Игнатьева Юшкевича и Антона Карлова Лукашевича из д. Полежаевки Борисовского уезда; Адама Андреева Антоневича из околицы Старые Володуть Игуменского уезда, Адольфа Иванова Константиновича из д. Боровины Игуменского уезда, к которым впоследствии приселились две крестьянские семьи – Николая Ульянова Чистова²³ и Ивана Иванова Говелко. Большинство переселенцев в религиозном отношении являлись католиками (кроме Бабицких и Чистовых, которые были православными). Католическая шляхта в западных губерниях Российской империи, как правило, имела польское этническое самосознание, чему в немалой степени способствовала официальная политика имперских властей, ставящих знак равенства между понятиями «католик» и «поляк»²⁴.

По устным историческим преданиям, хранящимся в семье Скуратовичей, основатели поселка Урозайского принимали участие в восстании начала 1860-х гг., проходившего на территории Польши, и были сосланы за это в Сибирь. После амнистии в 1883 г. они вернулись на родину, но не смогли там устроиться и решились на переселение в Сибирь. Многие фамилии жителей поселка – Константиновичи, Скуратовичи, Муравские, – встречаются в списках высланных в 1864 г. повстанцев Минской губернии²⁵. Факт участия в восстани-

²¹ *Список населенных мест*, с. 54.

²² Тарский филиал Государственного исторического архива Омской области (ТФ ГИАОО), ф. 60, оп. 1, д. 21, л. 29–63.

²³ РГИА, ф. 391, оп. 2, д. 1035, л. 17–25; ГУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 2405, л. 1–11 об.

²⁴ Ю. А. Борисёнок, *Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.)*, „Вопросы истории” 2003, № 3, с. 119; Т. Р. Викс, «Мы» или «они»? *Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 гг.*, в: *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология*, Москва 2005, с. 597–598; С. Шинкевич, И. Ю. Заринов, *Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации*, в: *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*, сер. А, документ № 27, Москва 1992, с. 5–6.

²⁵ В 1868 г. в г. Ишиме находился в ссылке «политический ссыльный из дворян» Минской губернии Игуменского уезда околицы Володуть Яков Иосифов Скуратович и его жена Юзефа (в девичестве Бобровская); ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 4, д. 242, л. 7.

ях, в которых отстаивалась независимость Польши, в глазах центральных властей являлся неотъемлемым элементом идентификации с польским этносом.

Основатели поселка были единым родственным коллективом, объединенным отношениями свойства. Этим объясняется наличие крестьянской семьи Николая Чистова в обществе шляхтичей – он был женат на потомственной дворянке Анне Михайловой, а его сестра Ксения была замужем за дворянином Антоном Иосифовым Скуратовичем²⁶. После переписи 1897 г. в поселок приселяются еще четыре семьи: шляхтичей Станислава Карловича Лукашевича и Бронислава Александровича Скуратовича, последний приехал к сестре – Марье Александровне (в замужестве – Муравской), семья мещанина Ивана Францевича Татаржицкого из д. Боровик Игуменского уезда, которая была связана родственными отношениями с Константиновичами и Юшкевичами, а также крестьянская семья Ивана Гавелко²⁷, которая породнилась с Бабицкими. Потомки этих переселенцев в 1934 г. были записаны поляками²⁸.

Таким образом, процесс миграции мелкой шляхты из Беларуси в Сибирь продолжался и в начале XX в. На родине большинство из них не имело собственной земли и арендовало земельные участки у помещиков. И хотя чиншевики (как называли их в правительственных документах) в целом жили богаче, чем бывшие крепостные крестьяне, их положение было более неустойчивым. В условиях возрастания цен на землю и перехода помещичьих хозяйств на капиталистические рельсы хозяйствования крупные землевладельцы часто разрывали невыгодные им арендные соглашения и сгоняли с обжитых участков бывших братьев по шляхетскому сословию. Об этом свидетельствуют прошения, которые обездоленные чиншевики подавали губернским властям. Например, шляхтич из застенка Чеботка Беличанской волости Игуменского уезда Минской губернии Бронислав Бабицкий писал губернатору в 1908 г.:

В виду необходимой надобности заставляет меня проехать в Сибирь, как не имеющего ни одного клочка своей земли, а с арендуемой помещик вытесняет. Я же проситель, имеющий громадное семейство в числе шести человек мужского пола и пяти женского. Другими средствами не могу, как торговля и тому подобно, мастерства не знаю, лишь исключительно хозяйство²⁹.

²⁶ Там же, ф. 417, оп. 2, д. 2405, л. 3 об, 10 об.

²⁷ Го(а)велки были родом из д. Довголенки Крипнянской волости Белостокского уезда Гродненской губернии. В апреле 1865 г. из этой деревни были высланы в Томскую губернию «за неповиновение местным властям» 12 крестьян, среди которых были Иван Рохов Гавелка и его сын Иван; Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в Гродно, ф. 3, оп. 1, д. 43, л. 6 об. В момент проведения переписи 1897 г. семья И. Р. Гавелки (в материалах переписи – Говелко) проживала в д. Ботвиной Такмыкской волости Тарского округа, где имелась значительная группа поляков (58 человек), переселившихся преимущественно из Гродненской губернии; ГУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 2442, л. 64 об.

²⁸ ТФ ГИАОО, ф. 719, оп. 1, д. 1, л. 29, 30–32 об., 34 об., 42 об., 43 об.

²⁹ НИАБ в Минске, ф. 1595, оп. 1, д. 1565, л. 54.

В феврале 1909 г. шляхтич Юлиан Ивашкевич из Волосевичской волости Борисовского уезда также обратился с прошением к начальнику губернии:

От роду я занимаюсь хлебопашеством и ни к какому другому занятию либо торговли я не способен, арендуя землю, но в последнее время арендная цена произвольно стала повышаться помещиками до того, что решительно нет возможности прожить, а потому я решил выехать в Тобольскую губернию Тарского уезда, где живут моя сестра и племянник на занятых участках земли. Между тем я ни имею никаких средств на выезд, так как я крайне беден³⁰.

Название поселка, который был основан минскими дворянами-поляками, было дано межевой партией по названию небольшой таежной речки, на берегах которой был выделен участок под поселение. Жителей поселка название «Уразайский» не устраивало, т.к. они хотели, чтобы название поселения отражало их особый социальный статус. К тому же в этом районе существовал еще один поселок с таким же названием, заселенный переселенцами из Вятской губернии. Чтобы устранить путаницу, второй поселок стали называть Уразай-Коряковский, а поселение минских дворян – Верхнее-Уразайский или Поляки. По устным историческим свидетельствам, в начале XX в. Владислав Антонович Скуратович от имени всех жителей пос. Уразайского послал ходатайство в Санкт-Петербург с просьбой переименовать поселение в Минско-Дворянское. После долгих разбирательств разрешение на переименование поселка было дано.

В истории с переименованием поселка прослеживается стремление зафиксировать свою социальную принадлежность, сделать ее видимой для окружающего, преимущественно крестьянского населения. Стремление сохранить свою социальную идентичность было связано с активным заселением Тарского округа в начале XX в. крестьянами-переселенцами из Минской и Могилевской губерний. Причем, из Минской губернии основная масса переселенцев прибывала из Игуменского и Борисовского уездов, т.е. из тех мест, откуда были родом чиншевики.

Вторым фактором, подтолкнувшим минских дворян к активным действиям по защите своей идентичности, стали браки с крестьянками. Принадлежность к привилегированному сословию, осознание своего высокого социального статуса и католическое вероисповедание значительно ограничивали выбор поляками брачных партнеров. В этих условиях первое время проживания в Сибири дворянские семьи заключали браки преимущественно между собой. Например, шляхтич Людвиг Михайлович Юшкевич (1881 г.р.) был женат на дворянке Констанции Викторовне Скуратович (1886 г.р.), а его племянник – Петр Карлович Юшкевич (1908 г.р.) женился на мещанке Констанции Адамовне Татаржицкой³¹.

---

³⁰ Там же, д. 1927, л. 135.

³¹ Там же, л. 35, 37.

Однако не всегда удавалось найти подходящую партию в своем кругу. К примеру, после смерти жены Бронислав Александров Скуратович был вынужден в 1899 г. жениться вторично, т.к. у него на руках оставался 2-летний сын. Его второй женой стала Христина Иванова Лапоть – православная девушка из семьи крестьян-переселенцев пос. Поречья³². Все же о широком распространении браков с православными крестьянками можно говорить лишь применительно к первой трети XX в.

Сближению с православным крестьянским населением способствовал образ жизни потомков польских шляхтичей в Сибири, который немногим отличался от крестьянского быта. Не искушенный в вопросах социальной принадлежности населения поселка Уразайского, священник В. Раев Николаевской церкви с. Нагорного, к чьему приходу относился этот поселок, записал в 1897 г. православного дворянина Степана Антоновича Бабицкого крестьянином³³. Батюшке указали на его ошибку, и в последующих метрических записях С. А. Бабицкий везде значился как «потомственный Дворянин». Однако, в 1918 г. в метриках младшие сестры и брат Степана Бабицкого значились все-таки крестьянами.

По переписи населения 1897 г. в пос. Уразайском проживало 66 человек обоего пола, из которых 52 человека были римско-католического исповедания, а 14 человек были православными³⁴. Если выявить религиозную принадлежность населения переписчику не составило труда, то вопрос о родном языке явно поставил его в тупик. У многих католиков в графе «родной язык» первоначально стояла помета «М. Р.», что означало «малорусский», однако в большинстве случаев эта надпись была исправлена на «польский». Внося в бланки переписных листов последние семьи – Чистовых, Лукашевичей и Муравских – переписчик окончательно запутался: у православного крестьянина Николая Чистова и у его детей сведения о родном языке были исправлены трижды. В окончательном варианте Н. Чистов и его дети говорили на малороссийском языке, а его жена – католичка и дворянка, – на польском³⁵. Эта путаница была вызвана отказом на официальном уровне признавать белорусский язык в качестве самостоятельного, его считали разновидностью русского или малорусским языком, в зависимости от ситуации.

Поселок Уразайский в качестве примера попал в *Инструкцию к составлению племенных карт...* 1917 г., где положения переписи 1897 г. о вероисповедании и родном языке населения пытались перевести в национальную категорию. В итоге получилось, что 50 человек в поселке были поляками, а 14 человек – русскими³⁶.

³² ГИАОО, ф. 16, оп. 13, д. 72, л. 59 об.–60.

³³ Там же, д. 64, л. 30.

³⁴ ГУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 2405, л. 1–11 об.

³⁵ Там же, л. 10 об.

³⁶ *Инструкция к составлению племенных карт, издаваемых комиссией по изучению племенного состава населения России*, Петроград 1917, с. 22–23.

За период с 1897 по 1926 гг. население поселка заметно увеличилось, что было связано с подселением упомянутых ранее новых семей, которые в более поздних источниках указаны поляками по национальности. В материалах переписи 1926 г. в пос. Минско-Дворянском, где проживало 153 человека обоого пола, численно преобладало белорусское население³⁷, а по материалам Похозяйственной книги за 1934 г. в поселении минских дворян проживало 169 человек обоого пола, из которых 153 человек по национальности были поляками³⁸. Почему же население, считавшее себя поляками до переписи 1926 г. и после нее, в материалах самой переписи оказалось белорусским? Видимо, перепись 1926 г. в большей степени отражала пожелания центральных властей, для которых польская национальность выглядела неблагонадежной. Похозяйственные книги составлялись местными работниками сельсовета, которые учитывали мнения самих жителей. Для последних же польскость отождествлялась со шляхетским происхождением и римско-католической верой, а белорусская национальность с православием и крестьянским происхождением. Подобные стереотипы бытовали и среди мелкой шляхты в самой Беларуси. Правда, дворяне Бабицкие, которые были православными, писались «беларосами».

В 1930-х гг. в рамках общегосударственной политики велась компания против «врагов народа», в результате чего целый ряд польских семей их пос. Минско-Дворянского был репрессирован. Спасти от репрессий не помогло и революционное прошлое предков минских дворян. После Второй мировой войны сибирские потомки минской шляхты стали менять в официальных документах национальность с польской на русскую³⁹.

Таким образом, на протяжении долгого времени переселенцы в поселке Минско-Дворянском стремились сохранить шляхетскую идентичность и не допускать чужих в свою среду. И только в середине XX в. начинается размывание этого полузакрытого сообщества, представители которого постепенно переселяются в иные населенные пункты и принимают русскую идентичность, т.к. прежние положительные стороны обособления постепенно утратили свое значение и, когда в 1930–1945 гг. группа оказалась под угрозой исчезновения, ею был сделан выбор в пользу идентификации с русским населением.

Аграрная миграция польского крестьянства в Сибирь в конце XIX в. значительно уступала переселенческому потоку, направленному из западных губерний Российской империи в США, Аргентину или Бразилию. По официальным данным Канцелярии Комитета министров с 1896 по 1898 гг. в Сибирь переселилось всего 353 поляка, в то время как в 1896–1897 гг. в США эмигрировало

---

³⁷ *Список населенных мест*, с. 34.

³⁸ ТФ ГИАОО, ф. 719, оп. 1, д. 1, л. 28–44.

³⁹ См.: А. А. Крих, *Судьба минских дворян в Сибири: смена этнической идентичности*, „Омский научный вестник” 2006, № 6 (41), с. 10–13.

4856 поляков⁴⁰. А за период 1890–1914 гг., по подсчетам С. Веха и Я. Легеца, из Царства Польского эмигрировало в Бразилию около 60 000 человек⁴¹. Связано это было с тем, что вплоть до 1906 г. правительство исключало поселенцев из Царства Польского из планов заселения Сибири⁴². По некоторым подсчетам, в 1896–1909 гг. в Сибирь переселилось 7217 человек, проживавших в губерниях Царства Польского⁴³.

В то же время начальство Северо-Западного края демонстрировало свою заинтересованность в поземельном устройстве польских дворян в Сибири, которое можно было осуществить при помощи закона от 22 июня 1900 г. о переселении и наделении землей в Сибири дворян-землепашцев. Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор кн. П. Д. Святополк-Мирский в своем письме к министру внутренних дел В. К. Плеве от 9 декабря 1903 г. рассуждая о земельной политике в отношении польского дворянства во вверенных ему губерниях, писал:

Допуская... стеснение шляхты в ее землевладении в Северо-Западном крае, я не могу не остановиться на мысли о том, что это стеснение, производимое в видах достижения правительственных задач, должно было бы уравниваться предоставлением лицам шляхетского происхождения некоторых новых прав. Если лица этой категории и являются, в виду их национальных традиций, нежелательными в Высочайше вверенном мне крае, то причисление их, как трудоспособного землеобрабатывающего класса, в другие местности России не только возможно, но во многих отношениях и желательно. Поэтому, по моему мнению, представлялось бы правильным распространить на шляхтичей все права, присвоенные крестьянам о наделении их казенной землею на правах переселенцев в пределах Азиатской России или иных местностей, отведенных под заселение. Эта мера, оправдывая известное стеснение шляхты на месте их родины, содействовала бы отливу значительного контингента шляхетских землевладельцев из пределов Северо-Западного края и способствовала бы расширению землевладения крестьян русского происхождения и православного вероисповедания⁴⁴.

---

⁴⁰ Подсчитано по: *Справка к представлению Переселенческого Управления от 20 декабря 1899 г. № 7895 о разрешении переселения из Привислинских губерний, С-Петербург 1899, с. 1–3*. Однако польская пресса была склонна завышать данные о количестве переселенцев, выбывших из Царства Польского в Сибирь, приводя баснословную цифру в 10 000 крестьян, переселившихся к 1899 г.; С. В. Леончик, *К вопросу о переселении крестьян Люблинской губернии в Тобольскую губернию в начале XX века*, в: *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр.*, ч. 2, Омск 2010, с. 390.

⁴¹ С. Вех, Я. Легец, *Проблема переселений крестьян Царства Польского в Сибири во второй половине XIX – начале XX века*, в: *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр.*, ч. 1, Омск 2012, с. 391.

⁴² Там же.

⁴³ В. А. Ханевич, *«Польский компонент» сибирской деревни во второй половине XIX века и в конце XIX – начале XX века: общее и особенное (на примере Томской губернии)*, в: *Сибирская деревня*, ч. 1, с. 385.

⁴⁴ РГИА, ф. 391, оп. 2, д. 388, л. 268–268 об.

Исполняющий должность начальника Переселенческого управления МВД А. В. Кривошеин согласился с заключением кн. П. Д. Святополк-Мирского, заметив, что поскольку в Сибири переселенческих участков для дворян-землепашцев заготовлено еще мало, то действует решение по ограничению переселения дворян из Европейской части России за исключением некоторых центральных губерний⁴⁵. Тем не менее, А. В. Кривошеин допускал применение закона 22 июня 1900 г. к мелкой шляхте западных губерний в отдельно взятых случаях и с личного разрешения «Главного Начальника края»⁴⁶.

В связи с этим, основной контингент польского населения Западной Сибири происходил из губерний Северо-Западного края – Виленской, Гродненской и Минской, которые являлись зоной польско-белорусско-русских языковых контактов, католическо-православной конкуренции и польско-русского социокультурного соперничества. В то же время, для сельской части населения этого региона наиболее актуальной являлась локальная, местечковая идентичность, которая выводила человека за пределы вышеуказанных противостояний.

В результате добровольного переселения поляков в конце XIX – начале XX в. некоторые деревни превратились в центры польской диаспоры, как это произошло с пос. Гриневици Атирской волости Тарского уезда Тобольской губернии⁴⁷.

Поселок Гриневици (он же Ильчук) был основан в конце XIX в. переселенцами из Виленской и Витебской губерний. В 1901 г. поселок состоял из 45 домов с населением 281 человек⁴⁸. В поселке находилась часовня, построенная в 1902 г.⁴⁹, что делало его центром польской диаспоры, чьи представители были разбросаны по разным переселенческим поселкам округи: дд. Боровая, Быган, Ивлева, Искашская, Киксы, Николаевка, Ново-Георгиевка, Чаула. Однако постоянного священника в Гриневицах не было. Служители церкви приезжали в поселок для проведения служб и общения с паствой из г. Тобольска⁵⁰. По материалам окружной статистики в 1927 г. в Гриневицах проживало 363 человека, 98% населения являлись поляками⁵¹ (табл.). Эти же данные были отражены в общегосударственной переписи 1926 г., результаты которой были опубликованы в 1928 г.⁵² Таким образом, в данном случае принадлежность

⁴⁵ Там же, л. 257–258.

⁴⁶ Там же, л. 258.

⁴⁷ М. Л. Бережнова, А. А. Крих, *Гриневици: польское кладбище «русской» деревни*, в: *Сибирская деревня*, ч. 2, с. 432.

⁴⁸ ГУТО ГАТ, ф. 417, оп. 1, д. 409, л. 10–10 об., 12–12 об.

⁴⁹ С. В. Леончик, *К вопросу о переселении крестьян Люблинской губернии в Тобольскую губернию в начале XX века*, в: *Сибирская деревня*, ч. 2, с. 395.

⁵⁰ Т. Г. Титова, *К истории католической церкви в Тобольской губернии (середина XIX – начало XX в.)*, в: *Словцовские чтения – 99: Тез. докл. и сообщ. научно-практич. конф.*, Тюмень 1999, с. 124.

⁵¹ ТФ ГИАОО, ф. 112, оп. 1, д. 974, л. 2.

⁵² *Список населенных мест Сибирского края*, с. 46.

мест выхода польских переселенцев к Литовскому государству не повлияла на их этническую идентификацию советскими властями.

Таблица. Польское население переселенческих деревень Тарского округа, 1927 г.

Населенный пункт	Общее количество населения	Численность поляков	% поляков
д. Боровая	323	80	25
д. Быган	280	12	4
д. Гриневичи	363	355	98
д. Ивлева	286	6	2
д. Искашская	110	28	25
д. Киксы	172	9	5
д. Николаевка	158	27	17
д. Ново-Георгиевка	586	17	3
д. Чаула	102	14	14
Итого	2380	548	23

Составлено по: ТФ ГИАОО, ф. 112, оп. 1, д. 974, л. 8–13.

В 1926 и 1927 гг. по поручению комиссии по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран, действующей при Академии Наук СССР, ряд поездок по деревням Тарского округа совершил И. Н. Шухов. Он отметил, что Гриневичи являются «главным и значительным польским центром» в Тарском округе. Вторым по значимости и количеству проживающих в нем поляков был поселок Усть-Куренга, на третьем месте – поселок Минск-Дворянский Екатеринбургского района⁵³. И. Н. Шухов пришел к выводу, что «в настоящее время поляки почти утратили свой язык (за исключением больших группировок), основные штрихи национального костюма, частично религию и местами утратили свою кровность путем браков с великорусскими старожилами и белоруссами пришельцами. В быте их осталось мало оригинальных черт»⁵⁴.

Интерес представляет и другое этнографическое наблюдение, сделанное спустя 30 лет С. Р. Лаптевым, который в 1957 г. проезжал по тем же местам, что и И. Н. Шухов. С. Р. Лаптев отметил следующее в своем путевом дневнике: «Деревушки, через которые проходит дорога, интересны в этнографическом отношении. Например, в д. Имшагал живут зыряне, в Гриневичах – поляки и др.

⁵³ Материалы к этнографическому составу населения Тарского округа. Работа И. Н. Шухова о поездке в Тарский округ, ГИАОО, ф. 2037, оп. 1, д. 15, л. 13.

⁵⁴ Там же.

и эти особенности этнографического состава видны на облике домов, дворов, жителей и еще не стерлись до сих пор»⁵⁵. Ко времени поездки С. Р. Лаптева население Гриневицей уже резко сократилось: за 13 лет – с 1927 г. по 1940 г., – население уменьшилось в 2,5 раза (!).

После принятия постановления о ликвидации малых и бесперспективных деревень в 1974 г., в Гриневицы стали съезжаться семьи из близлежащих ликвидированных деревень. В результате этого, к 1976 г. из известных по 1940 г. 14-ти польских фамилий в деревне осталось только 6 – Козик, Литовко, Стрелко, Стрижко, Пригун и Щербак, – всего 25 человек, из которых 16 человек считали себя русскими⁵⁶. Появились и новые польские семьи. Еще в начале 1950-х гг. в деревню переехали семьи Ивана Петровича Зеленки и Эмилии Ивановны Кукель⁵⁷. В 1970-х гг. в Гриневицах поселяются семьи Бункевич, Ломоновские и Сибко. Однако и в этих семьях поляками себя записывали только представители старшего поколения (всего 11 человек), их дети и внуки считались уже русскими. Таким образом, в 1976 г. в Гриневицах оставалось всего 20 человек, называющих себя поляками.

В 2005 г. в Гриневицах побывал разъездной отряд Этнографической экспедиции кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. В результате проведенного полевого исследования было выяснено, что этнический состав деревни полностью поменялся. Современные жители Гриневицей считают себя русскими, но знают, что раньше здесь проживали поляки и охотно показывают место, где раньше располагался костел. О первоначальном населении Гриневицей напоминает польское кладбище, расположенное у въезда в деревню. В качестве потомков поляков были названы семьи Зеленко и Сайковских, т.е. тех, кто переехал в 1950-х и 1970-х гг. соответственно. Но информаторы из этих семей называли себя русскими, с осторожностью говоря о своих польских корнях.

На этом фоне экзотично выглядит идентификация польского населения д. Тынгицы (современный Кыштовский район Новосибирской области), основанной в 1901 г. выходцами из западных областей Белоруссии. По материалам советской переписи 1926 г. это поселение состояло из 49 дворов, в которых проживало 273 человека обоого пола⁵⁸; преобладающей в д. Тынгице национальностью были указаны барабинцы – одна из этнических групп сибирских татар. Однако, как заявляли уроженцы д. Тынгицы, в деревне никогда не проживали татары и основное население деревни составляли поляки.

По материалам похозяйственных книг, хранящихся в Муниципальном архиве с. Кыштовка, к 1950 г. население деревни Тынгицы сократилось в два раза

⁵⁵ Материалы по изучению Омской области С. Р. Лаптева, там же, ф. 2118, оп. 1, д. 23, л. 24.

⁵⁶ ТФ ГИАОО, ф. 512, оп. 3, д. 194, л. 52.

⁵⁷ Там же, д. 77, л. 31 об.–32, 36 об.–37.

⁵⁸ *Список населенных мест*, с. 264.

– до 27 дворов, в которых проживало 134 человека обоего пола⁵⁹. Поляки составляли 69% населения деревни. К 1950 г. резко сократилось мужское население Тынгизы, что было связано, во-первых, с репрессиями 1937 г., в ходе которых было расстреляно 17 мужчин, а во-вторых, жители Тынгизы, родившиеся в 1910-х гг., по свидетельствам информантов, в документах «писались» русскими, хотя считали себя поляками, поэтому они были мобилизованы в 1941 г., хотя, по материалам других польских деревень, в первые годы Великой Отечественной войны мужчин-поляков на фронт не забирали.

Религиозные нужды тынгинцев обслуживал приезжий католический священник, который в 1920-х гг. навещал поляков, проживающих в деревнях Тынгица, Пахомовка и Гавриловка. В отсутствии ксенза детей крестили «бабки», которые сперва «обрызгивали», а затем купали ребенка. наших информантов, родившихся в начале 1940-х гг., родители научили молиться по-польски, но в быту польский язык не употреблялся, поэтому смысл молитв информантам непонятен. В связи с незнанием жителями д. Тынгица польского языка, население соседней деревни Колбаса считает их белорусами. Однако в традиционной культуре четко видно различие между белорусами д. Колбасы и поляками д. Тынгицы. Например, в отличие от кладбища д. Колбасы, на тынгинском кладбище имеется общее молебное место в виде большого деревянного креста с распятием, украшенным полотенцами и искусственными цветами (общее молебное место располагалось на кладбище польской деревни Гриневичи).

Несмотря на идентификационные предложения властей, начиная с 1930-х гг. польское население в рассмотренных случаях предпочитает называть себя русскими. Таким образом, предложенный властями вариант идентификации с белорусами и литовцами (не говоря уже о барабинцах!) поляками отвергается, в пользу титульной, и более безопасной в политическом плане, национальности.

* * *

В начале 1920 г. при отделе народного образования исполнительного комитета Омского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов создается подотдел просвещения национальных меньшинств (нацменов), который состоял из семи секций: киргизо-татарской, украинской, немецкой, латышской, эстонской, польской и еврейской⁶⁰. Чтобы определить фронт просветительских работ сотрудники этого подотдела были вынуждены собирать по крупицам информацию, пользуясь непроверенными источниками, о количестве в губернии соответствующих секциям национальностей. В результате, «по приблизительным данным», как было сказано в «Докладе

---

⁵⁹ Отдел архивной службы администрации Кыштовского района Новосибирской области, ф. 18, оп. 3, д. 21, л. 1–68.

⁶⁰ ГИАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1133, л. 38 об.

о состоянии просвещения национальных меньшинств... с 1 августа 1920 г. по 1 июня 1921 г.», в Омской губернии поляков насчитывалось 31 700 человек⁶¹. Цифра была явно завышена, в последующих отчетах подотдела просвещения национальных меньшинств за 1921 г. количество поляков в губернии оценивалось в 11 000 человек⁶². Однако, и эти данные, как отмечали чиновники наробраза, «лишь приблизительные». Постоянные оговорки о приблизительности статистических данных по национальному составу Омской губернии связаны с провалом первой советской переписи населения 1920 г., чьи результаты так и не были обнародованы.

В соответствии с национальной политикой советской власти, представители одной национальной группы должны быть организованы в национальные сельсоветы. Однако к 1927 г. в северных районах Омской губернии – Тарском округе, – где проживало 2166 поляков, не было организовано ни одного польского национального сельсовета⁶³. В то же время в Тарском округе насчитывалось 2093 эстонца, 1943 латыша, 364 финна, для которых в округе было создано три латышских национальных сельсовета, два эстонских и один финский. Судьбу поляков в Тарском округе разделили чуваша, которых насчитывалось чуть больше – 2923 человека, – но которые также не имели собственных национальных хозяйственно-административных объединений⁶⁴. Отсутствие польских сельских советов можно было бы объяснить дисперсным расселением поляков в Тарском округе, о котором позаботились еще имперские власти, считавшие польский этнос политически неблагонадежным, если бы не противоречивший этому ранее приведенный пример д. Гриневици.

Сравнивая два статистических источника – сведения о национальных меньшинствах Тарского округа, составленных в окружном центре в г. Таре и характеризующих ситуацию на 1 января 1926 г., и официальные материалы переписи 1926 г., опубликованные в виде таблиц в 1928 г., – можно выявить приемы, при помощи которых количество белорусов в Тарском регионе было увеличено в 3 раза. Одним из таких приемов стало приписывание населения ряда поселков, имеющих смешанный польско-белорусский состав, с превалированием польской составляющей, к белорусам. Так в поселках Коршуновка и Минско-Дворянский по итоговым материалам переписи 1926 г. проживало преимущественно белорусское население⁶⁵, хотя по сведениям окружных властей основное население этих поселков составляли поляки⁶⁶. Для записи поляков в белорусы большое значение придавалось месту выхода польских переселенцев: поляки, переселившиеся из Минской и Гродненской губерний, имели больше шансов

---

⁶¹ Там же, л. 38.

⁶² Там же, ф. 318, оп. 1, д. 1133, л. 76.

⁶³ ТФ ГИАОО, ф. 112, оп. 1, д. 974, л. 3.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Список населенных мест*, с. 26, 34.

⁶⁶ ТФ ГИАОО, ф. 112, оп. 1, д. 974, л. 3 об., 4.

быть записанными белорусами, т.к. эти губернии вошли в состав образовавшейся в 1918 г. БССР. К примеру, поляков, переселившихся из Варшавской, Виленской, Ковенской, Люблинской, Плотской и Радомской губерний, и составлявших большинство населения поселка Десподзиновского в Баженовской волости Тюкалинского округа⁶⁷, никто в белорусы не записывал.

Таким образом, группы западного населения России, связанные с политическими процессами в Польше и преследуемые властями, в Сибири стремились к изоляции и сплоченности, но из-за малочисленности отгородиться от окружающей инокультурной среды не смогли. В конце XIX в. увеличился поток переселенцев из Северо-Западного края, в результате чего удалось воссоздать такую же социокультурную ситуацию, как на родине, где высоким социальным статусом обладали дворяне-католики. Чиншевая шляхта, вне зависимости от путей попадания в Сибирь, в конце XIX в. получила возможность поддерживать польскую идентичность за счет соседствующего привычного белорусскоязычного крестьянства. В 1920-х гг., в ситуации, когда Польша получила независимость и стала проводить антисоветскую политику, принадлежность к польскому этносу становится опасной и, с одной стороны, сибирские власти изыскивают способы занизить численность поляков в регионе, с другой стороны, с 1930-х гг. само население, спасаясь от репрессий, меняет свое прежнее этническое самосознание на русское. При этом, предложенный властями вариант идентификации с белорусским населением поляками отвергается, т.к. белорусскость ассоциировалась с низким социальным статусом и воспринималась как принадлежность к крестьянству.

---

⁶⁷ ГУТО ГАТ, ф. 417, оп. 2, д. 2820.

STRESZCZENIE

DOBROWOLNA AGRARNA MIGRACJA POLAKÓW NA SYBERIĘ ZACHODNIĄ W KONTEKŚCIE TOŻSAMOŚCI I IDENTYFIKACJI ETNICZNEJ POLAKÓW (KONIEC XIX–XX WIEK)

Na podstawie źródeł statystycznych i materiałów terenowych badań etnograficznych określono dynamikę zmian etnicznej tożsamości i identyfikacji Polaków mieszkających w południowej części Zachodniej Syberii. Obiektem badań była polska ludność, która znalazła się na Syberii w wyniku dobrowolnej migracji i osiadła na wsi. Jako dobrowolni osiedleńcy uwzględnieni zostali również Polacy, którzy zostali zesłani za udział w powstaniu 1863 r., ale pozostali na Syberii i założyli własne wioski po amnestii 1883 r. Na podstawie zestawień materiałów spisów ludności ustalono, że mieszkańcy wielu syberyjskich wiosek, określani w czasie spisu w 1897 r. jako Polacy, w 1926 r. zostali już zarejestrowani jako Białorusini, Litwini, a nawet Barabińcy (jedna z grup syberyjskich Tatarów). Jednak w latach trzydziestych XX w., pod presją polityki władz radzieckich, ludność polska zmieniła swoją dotychczasową tożsamość etniczną na rosyjską.

Słowa kluczowe: Zachodnia Syberia, agrarna migracja, Polacy, etniczna tożsamość i identyfikacja.